

Лежнина Ю. П.

СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ БЕДНЫХ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА БЕДНОСТИ

Лежнина Юлия Павловна —
кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник Института социологии РАН,
доцент Национального исследовательского
университета — Высшая школа экономики

E-mail: lezhnina@list.ru

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Аннотация. Статья посвящена анализу поведения бедных в семейной сфере, в том числе по отношению к детям и их будущему. В ней продемонстрированы основные особенности семей бедных как микросреды, в которой происходит активное воспроизводство населения при низком уровне освоения ключевых стратегий по инвестированию в его человеческий капитал.

Ключевые слова: бедность, воспроизводство бедности, демографическое поведение.

Борьба с бедностью — комплексный процесс, который требует системного подхода, заключающегося не столько в предоставлении нуждающимся непосредственно трансфертов, сколько в создании механизмов, позволяющих из этого состояния выйти или сокращающих риски попадания в него. При этом противостояние бедности в долгосрочной перспективе требует изучения механизмов её консервации и воспроизводства. Однако именно эти вопросы обычно остаются за границами рассмотрения при формировании программ борьбы с данной социальной проблемой.

Процесс воспроизводства социального статуса связан с тем, что базовое накопление таких значимых ресурсов как человеческий, социальный и культурный капиталы осуществляется за счёт возможностей родительской семьи, где в силу обусловленных характеристиками родителей условий социализации в целом закладываются и предпосылки к дальнейшему приращению этих ресурсов. Таким образом, роль семьи в процессе воспроизводства социального статуса, в том числе и на низких структурных позициях, трудно переоценить, что уже неоднократно демонстрировалось и зарубежными,

и российскими исследователями [Mobility and Inequality..., 2006; Шкаратан, Ястребов, 2010]. Более того, воспитание физически и духовно здоровых детей, способных впоследствии выстроить стратегии по преодолению бедности, в семьях с неблагоприятным внутренним климатом крайне затруднено. Как писал Д. Коулман, «если человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощённым в семейных отношениях, то он не играет большой роли в образовательном уровне ребёнка, вне зависимости от того, каковы размеры человеческого капитала»¹ [Коулман, 2001]. Именно поэтому воспроизводство бедности в значительной степени связано с особенностями семейной жизни бедных россиян: от психологического комфорта в семейных отношениях до специфики взглядов на воспитание детей и инвестирование в их человеческий капитал.

Каковы же семейно-демографические особенности бедных в современной России и насколько успешно семьи бедных закладывают предпосылки для дальнейшего выхода их детей из подобного состояния?

Рассматривая бедных как группу, положение и поведение которой определяется, в первую очередь, невозможностью использования тех или иных ресурсов, логично применение депривационного подхода к её выделению. Он позволяет выявить именно те слои населения, которые не ситуационно или формально относятся к данной категории, а реально не имеют возможностей реализации полноценной социальной жизни в связи с наличием объективных лишений. В связи с этим на массивах данных репрезентативных общероссийских опросов Института социологии РАН 2003-2013 гг.² в качестве бедных выделялись депривированные слои населения, которые испытывают лишения в повседневной жизни, связанные с низким качеством питания и невозможностью одеваться так, как хочется, отсутствием полноценного жилья соответствующей площади, отсутствием собственности, плохой имущественной обеспеченностью товарами длительного пользования, невозможностью использования платных медицинских и образовательных услуг для себя и членов семьи, наличием долгов, скудным

¹ Согласно Д. Коулману социальный капитал семьи – отношения между детьми и родителями.

² Исследования ИС РАН «Богатые и бедные в современной России» (2003), «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008), «О чём мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» (2013). Эти репрезентативные общероссийские тематические исследования проводились под руководством Горшкова М. К. и Тихоновой Н. Е. Численность выборки составляла от 1 600 до 2 315 человек. В 2013 г. проводилась довыборка бедных, соответственно совокупная выборка составила 1 900 человек, а число бедных в ней – 802 человека. Квоты по возрастному представительству и по социально-профессиональной принадлежности задавались на основе пропорционального соответствия их данным Госкомстата по составу населения по каждому региону в отдельности. Если не оговорено иное, то данные в статье приводятся по 2013 г.

досугом и т. д.¹ В разные годы доля бедных, выделенных по этой методике, составляла около трети населения: 34% в 2003 г., 33% в 2008 г., 25% в 2013 г.

Более половины бедных россиян (58%), как и остального населения (62%) состоит в браке. При этом среди бедных вдвое выше доля разведённых (13 и 7% соответственно) и вдовствующих (11 и 6% соответственно). Они рано вступают в брак: согласно данным 2012 г. в возрасте 18–21 лет доля состоящих в браке в их составе в 2 (10 и 5% соответственно), а в возрасте 22–25 — в 1,3 раза (48 и 37% соответственно) превышает подобный показатель среди небедного населения. Впрочем, выше у бедных и охват практикой так называемого «гражданского брака» в этих возрастах: 14 и 5% и 7 и 3% соответственно. Это не означает, что у них удачнее складывается ситуация с созданием семьи, просто *в молодом возрасте они активнее вступают в брак, в то время как относительно благополучные слои населения откладывают этот момент*. В итоге в зрелом возрасте среди благополучных слоёв населения больше женатых и меньше разведённых. Наивысший показатель разводов у небедного населения — 13% — наблюдается в группе 51–60 лет, т. е. после того, как дети вырастут, в то время как для бедных доля разведённых максимальна — 20% — в возрастах 31–50 лет. Так, *в среде бедных наибольшее число разводов, а, соответственно, и нестабильность социально-экономической ситуации семьи приходится на тот период, когда дети находятся в возрасте активной социализации и требуются инвестиции в их будущее*. При этом, судя по тому, что доля разведённых бедных в группах 31–40 и 41–50 лет одинакова, а медианный показатель возраста для разведённых среди бедных выше, чем среди осталь-

¹ Рассматривалась совокупность основных лишений, которые были выделены с учётом опыта предыдущего анализа уровня жизни бедного населения на основе депривационного подхода [см. Тихонова, Давыдова, Попова, 2004]: самооценка своих возможностей питаться и одеваться как плохих; отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; общее количество товаров длительного пользования в домохозяйствах ниже их медианного значения для россиян в целом; количество товаров длительного пользования не старше 7 лет в домохозяйствах ниже медианного значения для россиян в целом; наличие одновременно двух и более видов задолженностей; недостаточная обеспеченность жилплощадью; вынужденное проживание в общежитии, служебной квартире, части дома; отсутствие возможностей использования платных социальных (образовательных, медицинских и рекреационных) услуг для себя или детей за последние три года; отсутствие любых значимых улучшений в жизни в последние годы; отсутствие любых форм платного досуга вне дома (посещения спортклубов и секций; посещения театров, концертов, кино; посещения музеев, выставок и вернисажей; посещения кафе, баров и ресторанов; посещение дискотек, ночных клубов, других развлекательных мероприятий).

ного населения — 45 и 41,5 лет соответственно, для бедных ниже вероятность вступления в повторный брачный союз. Неслучайно в 2013 г. доля неполных семей с несовершеннолетними детьми у бедных составляла 5%, в то время как для остального населения — только 1%.

При этом согласно данным 2009 г. для большинства благополучных россиян (65%) счастливая семья уже стала реальностью, а 23% респондентов создание счастливой семьи кажется вполне достижимой задачей. Для бедных же эти показатели немного отстают (55 и 20% соответственно), в том числе и для состоящих в браке. Так, 74% бедных, состоящих в браке, считают, что имеют счастливую семью, в то время как для не входящих в их состав россиян этот показатель равен 85%. Для бедных, состоящих в браке, доля тех, кто хотел бы иметь счастливую семью, но не уверен в том, что у него это получится, в 2 раза выше, чем для небедного населения (12 и 6% соответственно). Опять же для бедных практически в 3 раза выше доля никогда не вступавших в брак россиян, которые проявляют пессимизм относительно способности создать счастливую семью при наличии такого желания: 11 и 23% соответственно.

Среди благополучного населения, состоящего в так называемом «гражданском браке», 61% утверждает, что уже создали счастливую семью и ещё 28% считают, что им под силу это сделать. Среди бедных эти показатели в сумме ниже — 39 и 36% соответственно — и распределены практически одинаково. При этом оценка отношений в официальном и неофициальном браках для обеих групп схожа. Среди бедных, проживающих как в зарегистрированном, так и незарегистрированном браке по 44% говорят об отношениях в своих семьях как о хороших и по 8% — как о плохих. Для благополучного населения эти показатели равны 63 и 59% и по 3% соответственно. Таким образом, *россияне в целом не всегда рассматривают «гражданский брак» как семью, что связано, в первую очередь, с меньшими обязательствами, которые накладывают незарегистрированные отношения.* Однако особенно настораживает тот факт, что «гражданский брак», воспринимаемый самими россиянами как союз с ограниченными обязательствами, становится распространённой средой воспитания детей, причём для бедных такая ситуация наиболее привычна. Так, в семьях 50% бедных россиян, проживающих без регистрации брака, воспитываются несовершеннолетние дети, для остального населения этот показатель пусть и также высок, но несколько ниже — 44%. *В подобной ситуации минимизация семейных обязательств распространяется не только на супружеские, но и на детско-родительские отношения.*

В целом многие россияне считают свою семью счастливой не только в случае идеальных отношений в доме: 60%¹ бедных, создавших, по их мнению, счастливую семью, имеют хорошие отношения в ней, 38% — удовлет-

¹ По данным 2012 г. выборка включала население до 55 лет.

ворительные, а 2% — даже плохие. Для небедного населения эти показатели существенно смещены в сторону позитивных оценок и составляют 73, 27 и 0% соответственно. При этом для благополучного населения наличие тех или иных конфликтов в семье¹ на 24% снижает долю оценивающих отношения в семье как хорошие, и на 110% повышает долю оценивающих их как плохие. Для бедных эти показатели равны 17 и 38% соответственно. Таким образом, *наличие конфликтов в семьях бедного населения практически является нормой, не отражаясь на качестве отношений. Так, социально-психологическая обстановка в семьях бедного населения существенно хуже, чем у остального населения*, однако следует отметить, что различные типы конфликтов по-разному отражаются на семейной жизни.

При изучении причин и последствий конфликтов [Вдовина, 2005; Fincham, Beach, 1999] наиболее часто рассматривается их связь с разделением труда в семье между мужчиной и женщиной [Kluwer, Heesink, Van de Vliert, 1997; Барсукова, Радаев, 2000; Турецкая, 2001] и определением главенства/подчинения в семье. В связи с этим следует отметить, что в российских семьях в целом примерно в равной степени распространён запрос на *патерналистскую* (27% — главой семьи и принимать важные для неё решения должен старший в семье мужчина), *прагматическую* (31% — главой должен быть член семьи, способный лучше ориентироваться в современной ситуации и принять самое правильное с точки зрения интересов семьи решение) и *консенсусную* модели (31% — главы семьи вообще не должно быть — важные для семьи решения должны приниматься совместно, а мелкие — в соответствии с существующим разделением обязанностей) и не пользуется популярностью утилитаристская модель семьи (11% — главой должен быть тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет). При этом для бедных менее привлекательной видится прагматическая модель, основанная на принципах эффективности: если для благополучного населения она наиболее распространена, то для бедных она занимает только третью позицию из четырёх. А самой популярной моделью для них является консенсусная модель, когда в семье, по сути, нет ни зон ответственности, ни центров принятия решения. *Наблюдение подобной модели организации отношений с детьми бедных в период социализации ведёт не просто к транслированию её в будущую супружескую жизнь, но и задаёт стандарт социального взаимодействия в принципе, переломить который впоследствии будет уже крайне сложно.*

¹ Анализ влияния конфликтов на семейную ситуацию приведён по данным 2009 г.

Рис. 1. Запрос к типу семьи у мужчин и женщин, 2009 г., %

Следует отметить, что консенсусная модель также предполагает наличие больших возможностей для конфликтов при принятии каждого решения. Особенно, если представления о центре принятия решения у супругов не совпадают. А запрос к типу семьи у бедных, как и у остального населения среди мужчин и женщин, несколько различен¹ (см. рис. 1): если мужчины считают, что решения в семье должен принимать мужчина, то наиболее популярная модель среди женщин из числа бедных – консенсусная (37%).

В академической литературе, посвящённой исследованию природы семейных конфликтов, при некотором доминировании изучения проблематики разделения труда в семье рассматривается и актуальная для России проблематика внутрисемейных конфликтов в связи с изменами, наркоманией и алкоголизмом, а также материальными затруднениями и т. д. [Amato, Rogers, 1997]. Так каков же спектр конфликтов в российских семьях и в чём их основные причины?

¹ Наличие семейно-ролевого диссонанса в российских семьях уже отмечалось, к примеру, М. Горлач, которая фиксировала расхождение установок у мужчин и женщин на определённый тип отношений в различных сферах семейной жизни – быта, досуга, финансов, воспитания детей. Подробнее см. [Горлач, 2002].

В целом 29% россиян (30% бедных и 28% остального населения) утверждают, что в их семьях не бывает конфликтов. При этом наиболее частыми для обеих социальных групп являются конфликты из-за материальных трудностей¹, 18% – из-за пьянства и наркомании, по 17% – из-за несовместимости характеров и воспитания детей. Остальные проблемы приводят к конфликтам в семьях не более 10% россиян (см. рис. 2).

При этом для российских бедных и остального населения по-разному выглядит тройка основных причин разногласий. Если для первых это материальные трудности, несовместимость характеров и пьянство/наркомания, то для вторых пьянство и наркомания, занимая 5 позицию по распространённости, вытесняется вопросами воспитания детей. В целом *у наиболее благополучных, с точки зрения уровня жизни, семей несколько чаще распространены конфликты культурно-личностного характера и конфликты относительно воспитания детей*². Причиной тому могут быть большие у представителей благополучных слоёв населения возможности (и их разнообразие) относительно как проведения досуга, так и инвестиций в воспитание и образование детей. Реже в этих семьях возникают разногласия по поводу материальных трудностей.

Семьи, сталкивающиеся с конфликтами из-за пьянства и наркомании, характеризуются наибольшим пессимизмом относительно возможности иметь когда-либо счастливую семью как для бедных, так и для остального населения. Аналогичным эффектом обладают конфликты по поводу реальных или даже мнимых измен. При этом сложности, возникающие из-за того, что один из супругов уделяет мало времени семье, в целом не являются причиной негативных оценок возможностей создания счастливой семьи. Однако для благополучных россиян этот фактор снижает качество отношений, в то время как для бедного населения – наоборот. Иными словами, *семья как среда общения для бедных важна лишь в незначительной мере. А это означает, что её качество как среды социализации будущих поколений также относительно низко*. Схожая картина наблюдается и в части проблем с родителями супруга, которые негативно сказываются на отношениях в семьях благополучного населения, но позитивно для бедных. Это свидетельствует о психологической ориентации бедных на замыкание на своей нуклеарной семье, что ещё больше ограничивает возможности семьи как агента социализации детей из данной социальной группы (см. таблицу 1).

¹ Неблагоприятное влияние плохого материального положения на отношения в семье и стабильность брака не является российской спецификой [Liu, Chen, 2006; Aseltine, Kessler, 1993; Horin, 2004].

² Конфликты относительно способов проведения свободного времени, выбора круга общения, различия в интеллектуальном и культурном уровне супругов.

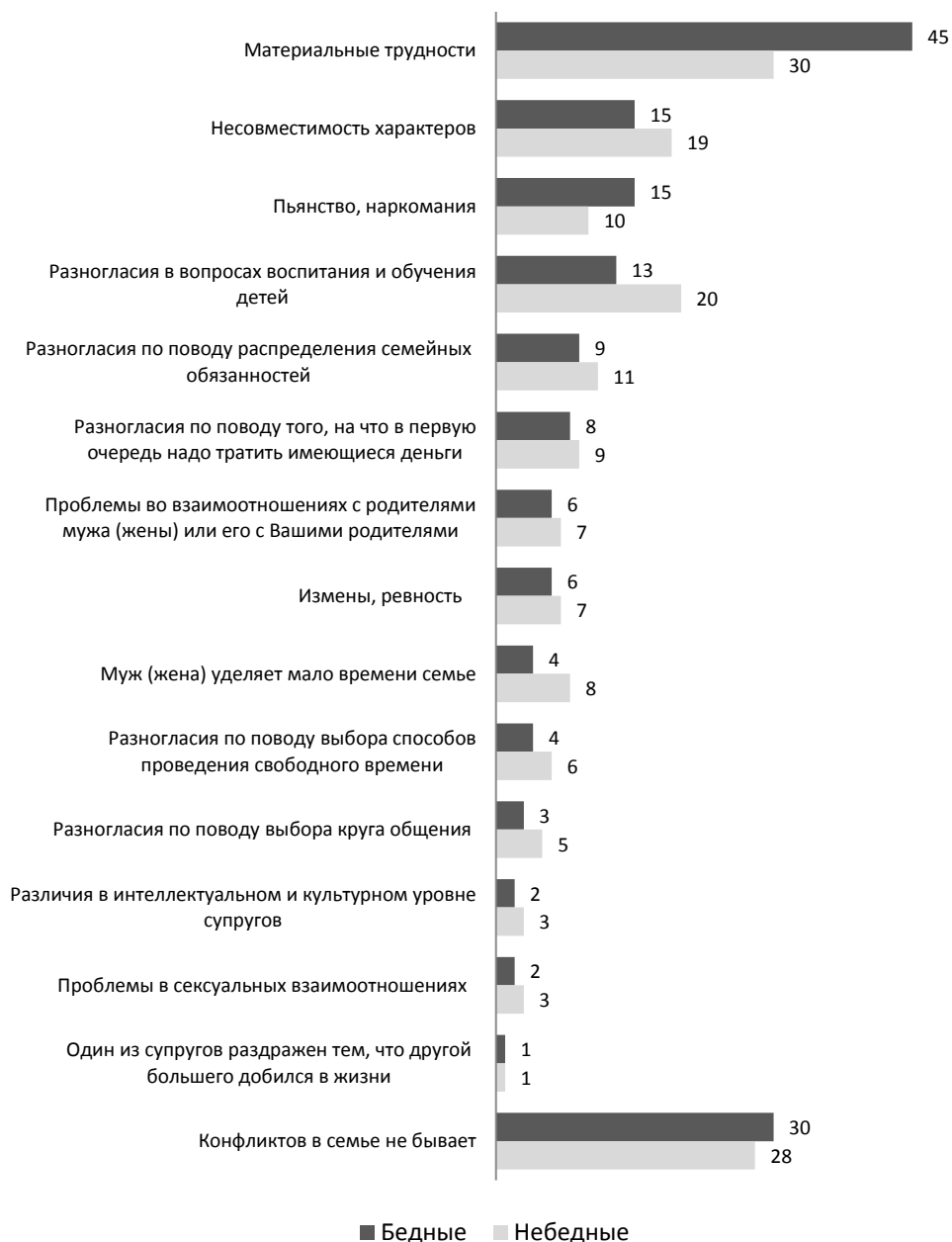

Рис. 2. Причины конфликтов в семьях россиян, 2009 г., %

Таблица 1

Изменение численности тех, кто считает, что отношения в семье хорошие в зависимости от наличия тех или иных типов конфликтов по сравнению с теми, у кого их нет, 2009 г., %¹

Причины конфликтов	Снижение	
	Небедные	Бедные
Разногласия в вопросах воспитания и обучения детей*	-5	-5
Несовместимость характеров	-17	-9
Материальные трудности	-22	-28
Проблемы во взаимоотношениях с родителями супруга	-6	+28
Супруг уделяет мало времени семье	-20	+24
Измены, ревность	-33	-35
Разногласия по поводу того, на что в первую очередь надо тратить имеющиеся деньги	-1	-16
Пьянство, наркомания	-40	-42

*Для тех, у кого в семье есть несовершеннолетние дети.

Конфликты относительно финансовых вопросов (материальные трудности и трата имеющихся денег) сильнее сказываются на отношениях в семье для бедных. Столь высокая роль материальных вопросов для семейного благополучия данной группы отчасти продиктована тем, что сама семья для значительной её части создаётся с целью решения хозяйственных вопросов. Об этом свидетельствуют представления различных групп населения о гендерных ролях и идеальных моделях семьи.

В целом гендерные роли, в том числе семейные, у россиян выражены ярко. Согласно данным 2012 г. идеальный *мужчина*, по их представлениям, должен быть физически сильным и здоровым (59%), не иметь вредных привычек (38%), уметь обеспечивать материальный достаток (33%) и обладать интеллектом (33%), а идеальная *женщина* должна быть, по мнению россиян, в первую очередь привлекательной внешне (67%) и сексуальной (40%). Идеальный *муж* при этом должен уметь обеспечить материальный достаток (56%), не иметь вредных привычек (38%) и быть верным в любви (38%), а идеальная *жена* любит детей (55%), хозяйственна (47%) и преданна в любви (44%). Однако в среде бедных представления о гендерных ролях имеют некоторые отличительные особенности, и по большей части это касается мужских ролей (см. таблицу 2). Так, умение мужчины обеспечить достаток для них важнее, чем ум и интеллект, который ценят остальные россияне. Идеальный муж должен быть физически силен и здоров, а верным при этом ему быть не обязательно. Впрочем, верность в любви, хотя и является одной из трёх

¹ В таблице не приведены данные по причинам конфликтов, которые актуальны не менее, чем в 5% обеих групп (бедных и остального населения).

Таблица 2
Качества, наиболее важные для идеальных мужчин, женщины, мужа и жены, по мнению россиян, 2013 г., %
(допускалось до трёх вариантов ответа)¹

Качества	Идеальный мужчина		Идеальный муж		Идеальная женщина		Идеальная жена	
	Бедные	Остальные	Бедные	Остальные	Бедные	Остальные	Бедные	Остальные
Привлекательная внешность	10	19	3	6	67	67	28	30
Физическая сила, здоровье	61	59	39	37	12	12	12	13
Сексуальность	14	17	7	9	42	40	15	18
Верность в любви	15	14	33	39	26	23	38	45
Любовь к детям	6	8	31	31	26	23	55	55
Отсутствие вредных привычек	43	37	40	38	16	21	17	19
Ум, интеллект	29	34	12	17	14	19	9	11
Чувство юмора	12	15	5	6	12	11	5	5
Уверенность в себе	25	23	14	13	11	13	8	7
Лёгкий характер, покладистость	3	4	6	5	22	21	25	19
Твёрдость	11	12	10	7	1	2	2	2
Хозяйственность, практичность	13	12	22	21	22	22	49	47
Умение обеспечить материальный достаток	39	31	58	56	3	2	6	4
Доброга	7	6	7	6	16	14	18	17

¹ Список качеств отсортирован по убыванию в столбце характеристик идеального мужчины. Жирным выделены показатели не ниже трети (33%).

основных черт идеальной жены, но бедными она ценится заметно меньше, чем остальным населением, что в целом свидетельствует о *второстепенности личных отношений для бедных*. Таким образом, приведённые данные ещё раз подтверждают, что самые острые проблемы, с которыми сталкивается бедное население в семейной сфере – материальные проблемы и вредные привычки – определяют его представление об идеальных спутниках жизни, с которыми эти проблемы будут неактуальными. При этом финансовое обеспечение семьи в основном возлагается на мужа. Реализация этой традиционной по своей сути модели на практике несёт дополнительные риски для женщин, т. к. *в условиях более интенсивного распада браков у бедных, по сравнению с остальным населением, они оказываются не готовыми к выполнению роли кормильца семьи, что чревато для их семей не просто усугублением тяжёлого материального положения, но скатывания их членов в состав низшего класса*.

Однако сохранение господства традиционных нормативных представлений об идеальных муже и жене не означает, что мнение бедных на этот счёт однозначно. Правда, размывание привычных семейных моделей происходит в среде бедных ещё менее активно, чем у остального населения. Статистический анализ распределения ответов позволяет уже сегодня выделить несколько моделей представлений россиян об идеальных семейных отношениях¹. Для трети россиян (32%) идеальная семья может быть описана как «зона психологического комфорта». Она объединяет привлекательную, умную, уверенную в себе женщину без вредных привычек и умного, умеющего обеспечить материальный достаток мужчине также без вредных привычек². Среди бедных эту модель как идеальную рассматривают 34%.

Семья как форма ведения совместного хозяйства, как хозяйственная единица (модель «семья-домохозяйство»), которую идеальной считает также треть населения (31%) строится на союзе хозяйственного и умеющего обеспечить материальный достаток мужчины и покладистой, хозяйственной и доброй женщины. Именно эта модель супружеских отношений в наибольшей степе-

¹ Данные модели выделены на основе двухшагового кластерного анализа – процедуры, позволяющей классифицировать объекты, используя метод максимального правдоподобия. Число кластеров определяется в ходе процедуры.

² Для описания моделей приводятся не наиболее распространённые, а специфические их черты. Подробнее о процедуре выделения моделей см. [Лежнина, 2013].

ни характеризует традиционные для русской культуры взгляды на гендерные роли в семье и является наиболее популярной среди бедных слоёв населения (35%).

Семья, выполняющая, прежде всего, функции «любовного гнёздышка» (что характерно для 19% россиян в целом и 15% бедных), объединяет привлекательного, здорового, сексуального мужчину и верную женщину с аналогичными характеристиками. Выделение этого типа семьи в отдельную модель не случайно. В целом сегодня в России, если говорить о господствующих нормативных моделях, по мнению большинства населения, сексуальная сторона жизни вообще не очень важна для счастливого супружества. Более того — плохая сексуальная жизнь не означает для большинства россиян, что они не будут оценивать свою семью как счастливую.

Семью «ради рождения и воспитания детей», которая выбирается как оптимальная её модель 18% россиян в целом и 16% бедных, создают верные в любви и любящие своих детей супруги. Нет в планах воспитания хороших детей только у 2% россиян, в целом же дети рассматриваются в качестве значимой жизненной ценности и составляющей счастливой семьи. Однако наличие детей в семье, хотя и остаётся для россиян важной социальной нормой [О чём мечтают ..., 2013], не носит при этом основополагающего для создания семьи характера. Именно поэтому большая часть россиян, выбирая супруга, не учитывает его потенциал как родителя, а обратная позиция свидетельствует об особом отношении к семье и её репродуктивной функции. Для бедных, как, впрочем, и для остального населения, эта модель семьи наименее привлекательна — на неё ориентируются только 15% этой группы. Таким образом, *для российских бедных идеальная семейная пара в ещё большей степени, чем для остального населения, концентрируется на интересах супругов и хозяйственном аспекте взаимодействия. Рождение детей и их воспитание при этом рассматривается в основном как сопутствующая задача.* Неслучайно свои успехи по воспитанию детей самими бедными оцениваются скромнее, чем остальным населением. Согласно данным 2012 г. 63% бедных россиян в возрасте 46-55 лет (когда дети в основном уже начинают самостоятельную жизнь), утверждали, что смогли воспитать хороших детей, в то время как для остального населения этой же возрастной группы данный показатель был равен 72%. *При этом бедные и небедные россияне отличаются в вопросах воспитания детей не только субъективными оценками своих успехов, но и принципиальными установками относительно того, какими дети должны быть.* Обозначая качества, которые они хотели бы видеть в своих детях, россияне в основном называли те, которые обеспечили бы детям благополучное встраивание в среду и достижение успеха. При этом для бедного населения перспективы благополучного будущего их детей в относительно меньшей степени связаны с освоением структурных позиций среднего класса.

В целом, как для бедных, так и для остальных россиян главным является стремление дать детям хорошее образование (об этом говорят две трети представителей этих групп). Однако это скорее декларации, чем реальные действия, т. к. образовательными услугами в целом пользовались семьи всего 7% бедных и 19% небедных россиян.

Рис. 3. Взгляды россиян на то, что является главным в воспитании детей в современных условиях, 2013 г., %

В тройку наиболее распространённых позиций в вопросах воспитания детей для обеих групп россиян наряду с образованием входят организованность и трудолюбие, а также умение постоять за себя. Четвёртой по распространённости чертой, которую россияне хотели бы видеть в детях, для бедных стала профессия, которая смогла бы обеспечить кусок хлеба, а для

остальных — развитие умственных способностей (см. рис. 3). Таким образом, становится понятным, что небедные россияне в воспитании детей ориентированы на то, что последние займут позиции, связанные с использованием человеческого капитала, и что образование, которое они хотят дать детям, это в первую очередь высшее образование. В то же время, бедное население ориентировано на обеспечение детей возможностями овладения не столько профессией, сколько ремеслом, а под хорошим образованием при этом они имеют в виду не столько высшее, сколько любое профессиональное.

Это подтверждается и практиками бедных: за последние три года за счёт собственных средств 3% бедных пользовались платными оздоровительными и 4% — образовательными услугами для детей, в то время как для небедного населения этот показатель был равен 10 и 18% соответственно. При этом с неравенством в доступе к образованию лично сталкивались, по их словам, 18% бедных и 19% небедных россиян. При этом 29% бедных и 28% небедных говорят о том, что неравенство в доступе к образованию является болезненной проблемой не для них лично, но для общества в целом, т. е. 24% бедных и 28% небедных, но лично для себя — только 23 и 21% соответственно. Таким образом, несмотря на разницу в возможностях (о которых говорят и они сами, и объективные данные), бедные озабочены проблемами образования детей практически в той же степени, что и небедные, хотя стоило бы ожидать большей их обеспокоенности в данном отношении. Это означает наличие некоторой недооценки бедными значимости образования для выхода из состояния бедности. Сложившаяся ситуация — в значительной степени результат выбора самих бедных, хотя выбор этот и происходит под воздействием определённых структурных ограничений, определяющих всю их жизнь. Это ставит вопрос о возможности для детей из бедных семей выбраться из состояния бедности в условиях, когда их родители не только сами не стремятся прибегнуть к образованию как «социальному лифту», но и не пытаются подтолкнуть к нему своих детей. Это способствует ещё более активному воспроизводству бедности в целом¹ в современном российском обществе, чем есть сейчас.

В настоящее время россияне, которые оценивают своё положение на 1-3 балла по 10-балльной шкале, т. е. относят себя к социальным низам, 42% так же оценивают и положение семьи, в которой выросли. Для населения в возрасте не старше 40 лет, т. е. в период наибольшей трудоспособности, эта доля ещё выше и равна 49%. При этом среди россиян, поместивших родительские семьи на 1-3 ступени из 10 возможных, 42% также закрепляются в этом положении и ещё 45% переходят, по их самооценкам, на смежные позиции, оценённые в 4-5 баллов из 10. А это означает, что практически в половине слу-

¹ О роли родителей и их поведенческих особенностей для воспроизводства социального положения см. например, [Шкаратан, 2009].

чаев наблюдается воспроизводство неблагополучного с точки зрения уровня жизни населения (согласно самооценкам респондентов). О достаточно массовом межгенерационном воспроизводстве бедности в современном российском обществе свидетельствует и то, что практически две трети сегодняшних бедных, какие бы субъективные оценки своему положению они ни давали, оценивают его не выше, чем положение своих родителей: 38% говорят о нём как о более низком, 31% — как о таком же и 31% — как о более высоком. Более того, практически для всех хронических бедных состояние бедности привычно с детства: во всяком случае, 90% находящихся в бедности не менее 3 лет, оценивают своё положение не хуже, чем положение семьи, в которой он выросли. Для тех, кто находится в этом состоянии не менее 5 лет, соответствующая доля равна 53%. Таким образом, воспроизводство бедности сопровождается *формированием у российских бедных особого типа идентичности — идентичности «социальных низов»*, приобретающей у многих из них устойчивый характер. Это проявляется не столько в самооценке себя как бедного (живущими за чертой бедности считают себя менее половины бедных — 44%), сколько в оценках ими своего нынешнего статуса и его динамики. Так, например, оценивая изменение своего статуса в обществе за последний год, бедное население говорило в массе своей о его постоянстве (62%), а 13% — даже о его падении. Не менее яркой будет эта картина, если обратиться к данным за последние 5-6 лет — среди бедных 20% за это время ощутили падение своего статуса, ещё 42% отметили отсутствие динамики.

Печальный прошлый опыт социальной динамики проецируется бедными и на будущее, что способствует закреплению у них идентичности «социальных низов». Хотя около половины как бедных, так и небедных россиян (54 и 48% соответственно) думают, что их материальное положение в ближайший год не изменится, в остальном картина их мнений о своём будущем существенно различается. Если бедные чаще ожидают ухудшения, чем улучшения (23 и 21% соответственно), то небедные россияне гораздо более оптимистичны: 41% из них ожидают улучшения, и лишь 11% — ухудшения своего положения.

С укоренением культуры бедности у новых поколений связано и то, что одна из самых распространённых причин¹ материального неблагополучия бедных до 30 лет, которые признают своё положение, — невезение. Структурные ограничения (низкий уровень образования и квалификации) отмечаются ими реже, чем осталь-

¹ Вторая после длительной безработицы — 32 и 46% соответственно.

ными трудоспособными (22 и 29% соответственно), а собственное поведение (алкоголизм и наркомания, лень, нежелание менять образ жизни) – практически никогда (3-6%, в то время как для остальных – 1-13%). При этом если старшие возрастные когорты из числа бедных чаще молодёжи объясняют состояние бедности в своём ближайшем окружении обстоятельствами, просто не зависящими от самих людей – несчастья (26% против 35-37%), болезнь (30% против 41-52%), то молодые бедные чаще объясняют его недостаточностью поддержки со стороны родственников (29% против 20-22%) или государства (32% против 23-40%¹) и невезением (20% против 11-18%). Таким образом, среди молодых бедных распространяется не просто внешний локус-контроль (как у более старших поколений этой социальной группы), но и формируется изживденческая психология, что позволяет не просто ставить вопрос и воспроизводстве бедности, а формировании на основе бедных российского низшего класса.

В этих условиях неудивительно, что, рассуждая о перспективах своих детей, бедные в основном теряются в догадках относительно их будущего и чаще всего (41%) не могут оценить, будет ли положение детей лучше или хуже их собственного. Подобные сомнения испытывают менее трети небедных (32%). При этом более половины (52%) небедных россиян ожидают, что их дети добьются большего, чем они сами, в то время как для бедных этот показатель лишь около трети (39%) (см. рис. 4).

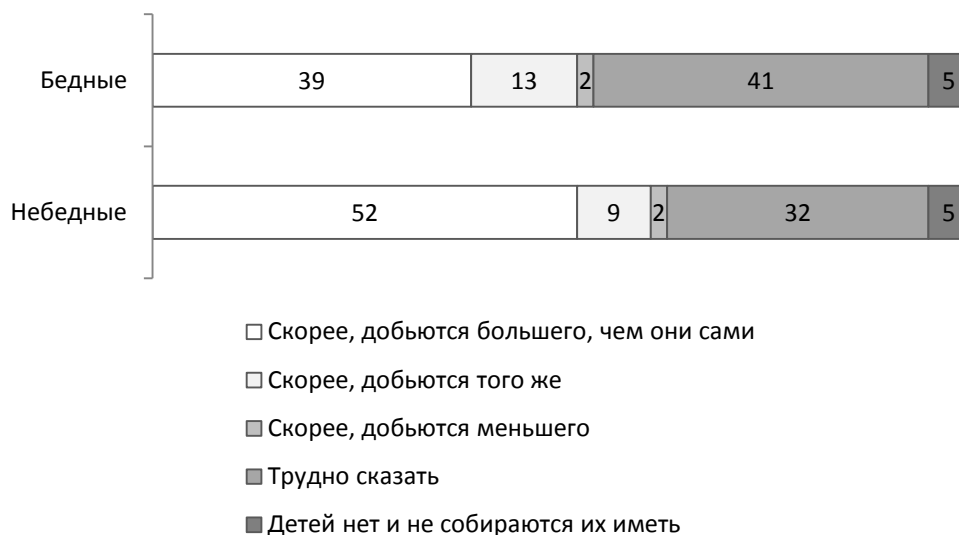

Рис. 4. Ожидания бедных и небедных относительно достижений своих детей в будущем, 2013 г., %

¹ 40% – показатель для самой старшей когорты – старше 50 лет.

Таким образом, несмотря на то, что при относительно благополучном положении родителей детям сложнее демонстрировать восходящую межгенерационную мобильность, небедные россияне более оптимистичны в отношении будущего своих детей. Это означает, что у детей бедных не только ниже жизненные шансы в целом, т. е. вероятность достичь аналогичных успехов по сравнению с детьми небедных россиян, но и, судя по оценкам самих бедных, весьма умеренные шансы выбраться из состояния бедности. *Таким образом, если относительно населения в целом социологами ставится вопрос о закрытии лифтов социальной мобильности, то относительно бедных можно говорить ещё и о наличии барьеров на выход из состояния бедности и воспроизводстве бедности.*

Нельзя также не отметить, что общую ситуацию с воспроизводством бедности усугубляет специфика репродуктивного поведения бедных слоёв населения: социальный статус и количество детей в домохозяйстве имеют обратную зависимость. Этот «парадокс обратной связи» неоднократно был продемонстрирован как в зарубежных, так и в российских исследованиях. Российские бедные демонстрируют большее, по сравнению с остальным населением, желание иметь детей. Так, согласно данным 2009 г., среднее количество детей, которое хотели бы иметь российские бедные — 2,01 и 2,56, если бы это позволяли материальные условия. Для остальных россиян, которые в меньшей степени скованы низким уровнем жизни, эти показатели составили 1,94 и 2,39 соответственно. Более двух детей хотели бы иметь 18 и 16% бедных и небедных россиян, а в случае отсутствия материальных барьеров — 40 и 36% соответственно.

В связи с этим следует также отметить, что представители благополучных, с точки зрения уровня жизни, слоёв населения позже и реже заводят детей. Так, среди бедных россиян в возрасте 22-25 лет имеют несовершеннолетних детей 44%, а в возрасте 26-30 лет — практически три четверти (71%). Среди представителей более благополучного населения в этих возрастах — соответствующие показатели равны 40 и 49%. Таким образом, до настоящего момента демографический рост обеспечивался в большей мере за счёт малообеспеченных и, в меньшей степени, среднеобеспеченных слоёв населения. При этом молодёжь вне зависимости от уровня жизни достаточно часто затрудняется говорить о своих планах деторождения, даже в те периоды, когда необходимо принимать взвешенные решения. Так, в разгар экономического кризиса в 2008-2009 г. около трети как бедных так и небедных россиян в возрасте 22-30 лет говорили о том, что не знают, как сложится

ситуация относительно рождения ребенка в ближайшие 1-2 года. Однако именно в этом возрасте данный вопрос является наиболее насущным, а это означает, что *молодёжь не столько не хочет детей, сколько не озабочена планированием собственной жизни* в столь важной для неё сфере [См., например, Захаров, Сакевич, 2007]. При этом в условиях большей репродуктивной активности бедных именно они реже говорят о запланированных рождениях: в 2009 г. о том, что планируют завести ещё ребенка говорили 11% представителей бедной молодёжи и 18% более благополучного населения в аналогичных возрастах, хотя затруднения с работой в этот период в основном испытывали именно вторые.

Таким образом, можно говорить о том, что современная семейно-демографическая ситуация в среде относительно неблагополучного с точки зрения уровня жизни населения активно способствует межгенерационному воспроизводству бедности. С одной стороны, бедные семьи не только имеют меньше возможностей для инвестирования в человеческий капитал детей, но и не отличаются соответствующими установками на выведение следующих поколений на структурные позиции среднего класса. С другой стороны, низкое качество семейных отношений: минимизация обязательств супругов, наличие конфликтов, высокий уровень разводов и т. д. — ещё больше усугубляет ситуацию, поскольку ухудшает общие условия социализации и, соответственно, накопления базового культурного капитала. При этом если особенности репродуктивного поведения бедных только «подстегают» количественные показатели воспроизводства бедности, то укоренение «культуры иждивенчества» переводит её на новую ступень и свидетельствует о постепенном формировании на основе бедных российского низшего класса.

Литература

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4.

Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // «Социологические исследования». СоЦис. 2005. № 1.

Горлач М. Г. Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // «Социологические исследования». СоЦис. 2002. № 1.

Захаров С. В., Сакевич В. И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Малевой Т. М., Синявской О. В. — М.: НИСП, 2007.

Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4.

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.

Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // *«Социологические исследования»*. СоЦис. 2004. № 6.

Турецкая Г. В. Деловая активность женщин и семья // *«Социологические исследования»*. СоЦис. 2001. № 2.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.

Amato P. R., Rogers S. J. A longitudinal study of marital problems and subsequent divorce // *Journal of Marriage and the Family*. Aug 1997. Vol. 59 (3).

Aseltine Robert H., Ronald C. Kessler. Marital Disruption and Depression in a Community Sample // *Journal of Health and Social Behaviour*. 1993. Vol. 34 (3).

Kluwer E. S. Heesink J. A. M.; Van de V. E. The marital dynamics of conflict over the division of labor // *Journal of Marriage and the Family*. Aug 1997. Vol. 59 (3).

Fincham F. D., Beach S. Conflict in marriage: Implications for working with couples / *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50.

Horin A. How Poverty is Pushing Families into Divorce // *Sydney Morning Herald Online*. 2004. [Электронный ресурс] Название сайта // URL: <http://www.smh.com.au/articles/2004/03/24/1079939718989.html> (Дата обращения: 25.11.2013).

Mobility and Inequality: *Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Stanford, 2006.

Liu R. X., Chen Z. The Effects of Marital Conflict and Marital Disruption on Depressive Affect // *Social Science Quarterly*. Jun 2006. Vol. 87 (2).